

Дмитрий ГОРЧЕВ

Путь Джидая

...Он оставил крепкую, как водка, мужскую прозу, непосредственную и очень остроумную, без кулаков, надуманных конфликтов, нравоучений и спецэффектов.

Частный корреспондент

Дмитрий Анатольевич Горчев

Путь Джидая (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4580388
Горчев, Д. Путь Джидая: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-44676-4, 978-5-9725-2368-9*

Аннотация

В этой книге – лучшие и давно разошедшиеся на цитаты гротесковые рассказы Горчева: «Настоящее Айкидо», «Высшая Справедливость», «Мировое господство», «Путь Джидая», «Поселок Переделкино» и другие. Здесь по-прежнему тонет волшебный материк Гондвана, академики Зельдович и Шнеерзон изобретают Православную Бомбу, в Летнем Саду скачет животное Кухельклопф, баржа везет воду из Ладожского озера в Финский залив, всё так же работает фантомное радио, а в Крещенский сезон всегда идет дождь...

Содержание

Общая Теория Поля	4
Мировое Господство	8
Четыре еврея	10
Партия Новый Либеральный Порядок	13
Президент	15
Концлагерь	17
Путь Джидая	19
Викинги	25
Государство Корея	27
Настоящее Айкидо	30
О влюбленных	32
Правда о Женщинах и Евреях	35
Мерзость	37
Мудак	48
Легенда о Малиновом Человеке	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Дмитрий Горчев

Путь Джидая

Общая Теория Поля

Когда-то однажды давно физик Эйнштейн, которого сейчас если кто и помнит, то только по рекламе пива-пит, решил изобрести Общую Теорию Поля.

Казалось бы, решил и решил, нам-то что за дело: все эти физики-математики за последние несколько тысяч лет изобретали невозможное количество совершенно никому не нужной Хуйни. Ну, вспомнить хотя бы секанс-косеканс и так никогда никому и не пригодившуюся в жизни теорему Пифагора. Но вся эта Хуйня хотя бы не вредная: лучше пусть уж наши дети её изучают, чем пиписки друг другу показывать.

Но с Эйнштейном всё было по-другому: он затеял действительно плохое дело, потому что эта его теория должна была объяснить ВСЁ. То есть вообще всё. Потому что, как известно, всё вокруг состоит из полей: и вы, и я, и вот эта сволочь, которая живёт за стеной, и Жаба, которая её душит, и отключённая у нас горячая вода – всё это есть частные случаи электрического поля.

Мы даже не станем думать про то, какой невероятный

Пиздец наступил бы, когда нам стало бы понятно ВСЁ, это мы как-нибудь в другой раз подумаем. Сейчас нам лень, да и так ясно, что Пиздец.

К счастью, однако, никакой Общей Теории Эйнштейн так и не придумал: сошёл ли он окончательно с ума или просто подавился яишницей – это, в общем-то, уже не так и важно. Мы и без того все хорошо знаем, что Мироздание довольно быстро прихлопывает тех, кто начинает выковыривать из него слишком уж большие камни.

Тем не менее, Эйнштейн всё же успел выяснить одну важную штуку: про Сильные и Слабые Взаимодействия.

Не нужно разбегаться – я сам в этом ровно нихуя не понимаю, поэтому буду краток.

Сильные Взаимодействия – это такие, которые можно пощупать, понюхать или измерить штангенциркулем или, скажем, амперметром. Бомба взорвалась, кило помидоров вам продали или просто дали в морду – это всё Сильные Взаимодействия.

А Слабые Взаимодействия – это когда вроде что-то сияет вдали или распускается дивными цветами, мы всю ночь шли-шли, чтобы пощупать-понюхать, да так и не дошли. Или дошли, схватили, а оно растеклось в руках черной жижей. Проснулись, что-то ещё помнили чуть-чуть, а потом выпили кофе и совсем уже всё расплзлось.

Вот такие они, Слабые Взаимодействия.

Первоначально люди были приспособлены и к первым, и

ко вторым, и им не было особой разницы, где жить – в мире Сильных Взаимодействий или Слабых, пока не пришли греки-римляне и не сочинили уже окончательно то пространство, в котором мы все сейчас живём.

Сочинили они его довольно хуёво – не прошло и трёх тысяч лет, а всё уже разваливается, рассыхается и трескается. Всё вокруг шатается, валится – чуть дунуло, и уже ёбнулось. Протекла через плохо замазанные щели вода, и всех смыло. Картонные самолетики протыкают бумажные зданьица. Кто-то что-то нажал, отвернул, не завернул, закурил, заснул – и вот опять вокруг бегают бессонный Чрезвычайный Министр Шойгу – штопает окружающее пространство.

Некоторые люди до сих пор ещё умеют слегка общаться с миром Слабых Взаимодействий, их называют счастливчиками. Это они проспали и опоздали на работу, а там всё взорвалось. Ещё они сели не в тот автобус, опоздали на самолет, а он ёбнулся. Или не полезла им водка в рот, сидели они как дураки, а все остальные выпили, повеселились и наутро очутились. А потом им ещё как-то раз давали что-то Огромное и Прекрасное вообще задаром, а они сказали «не хочу» и поэтому до сих пор не в тюрьме и дети их живы.

А вообще, мир Слабых Взаимодействий очень прекрасный. То, что иногда можно наблюдать при употреблении специальных Веществ – это так, попса для приезжих, с мармеладными небесами и разноцветными шариками. На самом деле, там гораздо лучше.

Но если бы нас туда пустили, а как раз это и пытался изобрести Эйнштейн, мы бы тут же припёрлись туда всей толпой, всё растоптали, навоняли, насрали и завалились храпеть и чавкать во сне. И скоро там тоже бы всё рассыпалось, развалилось и сдох бы последний Розовый Слон. Что-что, а это мы хорошо умеем.

В общем, всё к лучшему, как обычно.

Мировое Господство

Между прочим, далеко не каждый народ может завоевать Мировое Господство. И дело тут не в боевых и тактико-технических характеристиках какого-то народа, а исключительно в климатических условиях.

Негры, например, никогда не завоюют сибирь, потому что все там простынут, а чукчи не завоюют африку, потому что вспотеют.

Французы, пока завоёвывали Италию, Грецию и Испанию – всё у них шло хорошо, а в России уже в октябре позорно все помёрзли. Так и остались они в памяти русского народа в виде шаромыжников в дамских капорах и с лошадиной щиколоткой под мышкой.

Так же никогда не смогут никого завоевать жители Сейшельских островов, где триста пятьдесят солнечных дней в году при температуре двадцать два градуса. Эти жители вообще никогда от своих островов далеко не отплывают, потому что им везде погода очень кажется хуёвая.

Зато монголы в своё время всех завоевали как раз потому, что у них в пустыне гоби днём плюс тридцать, а ночью минус двадцать, и поэтому им везде хорошо – и в арктике, потому что днём не жарко, и в африке – потому что ночью не холодно.

Немцам их климат вполне позволяет завоевать мировое

господство, и они даже несколько раз пробовали это сделать, но у них ни разу это не получилось, потому что везде за пределами Германии им сильно воняет и бардак.

Русские тоже запросто могли бы завоевать весь мир, но они и с тем, что есть, тысячу уже лет не знают как разобраться, и опять же, сто грамм фронтовых – это русскому человеку просто смешно. Поэтому русские всегда за мир и лишь бы не было войны.

Американцы, может быть, когда-нибудь и установят Мировое Господство, но у них есть слабое место – они не умеют воевать без электричества, гамбургеров, кокаколы и медицинской страховки. Поэтому, например, в Ираке у них получается довольно хуевато, потому что у них то свет погаснет, то журнал плейбой не подвезли.

Удивительно, что китайцы как-то очень уж тихо сидят. Климат-то у них для завоевания Мирового Господства вполне подходящий.

Четыре еврея

Россию придумали четыре Еврея: Левитан, Левитан, Шишкин и Тредиаковский.

В первые четыре дня каждый придумывал, что умеет: один Левитан придумал русский язык и про то, что жышы пиши через и; второй Левитан – золотую осень и матушку-зиму, блинки и сёмужку, икорку и расстегайчики; Шишкин придумал кудрявые берёзки во ржи, три медведя и три богатыря. Но больше всех придумал, конечно, Тредиаковский: Царя-гороха и Владимира красное-солнышко – для патриархальности, Ивана-грозного – для строгости, Дмитрия-донского – для патриотизма, а Ивана-калиту – просто так для смеху, списал с одного своего знакомого.

На пятый день евреи сели уже все вместе и стали придумывать разные смешные мелкие штучки: лапти и матрёшку, степь да степь, косоворотку и хохлому. Больше всего хохотали, когда самовар придумывали: просто уссались все от смеха, такая дурацкая получилась вещича.

На шестой день пошли евреи искать Русских людей. Нашли двух Татаринцов – они ели у обочины дороги Лошадиное Копыто.

- Тебя как зовут? – спросили евреи первого Татарина.
- Файзулла, – отвечал первый Татарин.
- Теперь будешь Иван. А тебя как зовут? – спросили вто-

рого Татарины.

– Хайрулла, – отвечал второй Татарин.

– Теперь будешь Николай, – приказали Евреи.

– А нам татарам одна хуй, – отвечали Татары равнодушно.

Затем Евреи поймали в овраге двух девок в полосатых штанах и привели к Русским людям Ивану и Николаю:

– Вот вам жёны ваши: Алёнушка и Марьюшка. Берите кто какую хочет.

– А нам поебать, – отвечали первые Русские люди Иван и Николай.

После этого Евреи пожали друг другу руки, завязали на подбородке пейсы, чтобы не проглотить во сне муху, и легли спать мертвецким сном, ибо сильно уж они утомились, Русь сочиняючи.

Проснулись Евреи ровно через три года, три месяца и тридцать три дня, развязали пейсы и огляделись вокруг. Видят: стоит на пригорке Чёрная изба с кривым вокруг забором, и кружит над избой Чёрный Ворон.

Умылись Евреи, постучали в двери, вошли чинно и поклонились низко, как сами придумали: «Мир вам, хозяева дорогие».

А в избе пасмурно: хозяева водку пьют, салом закусывают, в углу свинья храпит, а рядом с ней копошится свеженародившийся Русский мальчик Васятка с синей пятнистой жопой.

– Слышь, Микола, – говорит Иван, продолжая резать са-

ло, – а ведь это Жыды к нам пожаловали.

– Та пийшов ты нахуй, кацап йобаный, – отвечает Микола, зевает, – а то ж я без тебе Жыдов не бачив. Гей, Жыды, гроши е?

От голоса Миколы на лавке в углу просыпается ещё один совсем новый Русский человек, без имени пока и без отчества, но зато с фамилией: Златокаменный – из немцев, должно быть. Зевает, поправляет на носу круглые очёчки, чешет между лопатками рукояткой нагана:

– Кто такие? Документы есть? Справка об окрещении в Православную веру?

А справки-то и нет, справку Евреи забыли придумать.

Вот и расстреляли всех четверых: и первого Левитана, и второго, и Шишкина, и Тредиаковского под кудрявой берёзкой в волнистой ржи. И прошли мимо них косари в лаптях и рубахах, и пролетела над ними сиза горлица, и провыл над ними Серый Волк. И такие вокруг них раскинулись просторы, что сколько ни пей, всё мало. И столько тоски и благодати от земли Русской, что только упасть в эту землю разбитой мордой, прижать её к груди да издохнуть – до того всё хорошо придумали четыре Еврея, пусть и им тоже будет царствие небесное.

Партия Новый Либеральный Порядок

Задачей Партии Новый Либеральный Порядок является установление нового либерального порядка во всём мире.

Каждый человек, вступивший в Партию, автоматически назначается её Председателем и Президентом России. Каким образом он будет осуществлять свои полномочия – это Партию не волнует. Партию волнует скорейшее наступление Всеобщего Либерализма и Счастья с одновременным уничтожением Консерватизма и Несчастья в соответствии с Планами Спасения №№ 1, 2 и 3, а также установление Идеального Мiroустройства.

Вступление в Партию и выход из неё – свободные. Человек, выбывший из Партии, подлежит немедленному уничтожению.

Партия не баллотируется в Реакционную Государственную Думу и бойкотирует все её решения. Член Партии, выполнивший хотя бы одно решение Реакционной Государственной Думы, считается Врагом Свободы и Счастья и выбывает из Партии.

Источником финансирования Партии являются Либеральные Ценности, которые формируются за счёт членских взносов. Членский взнос составляет 12 копеек ежедневно.

Взносы вперёд не принимаются и сдачи нет. В случае неуплаты взноса член Партии считается условно выбывшим и обязан носить на спине Свастику. За ношение Свастики взимается Штраф. Размер Штрафа произвольный. В случае неуплаты Штрафа член Партии считается выбывшим и уничтожается.

Руководство Партией осуществляется извне.

Партия оказывает материальную помощь своим простым рядовым членам. Простой рядовой член у Партии может быть только один. Остальные члены Партии являются Почётными Членами. Любой человек, оказавший материальную помощь рядовому члену, также назначается Почётным Членом и сам материальной помощи от Партии не получает. Решения о размере материальной помощи принимаются открытым и свободным голосованием простых рядовых членов. Каждый голос Почётного Члена приравнивается к трём голосам простого рядового члена и при голосовании не учитывается. Выборы и перевыборы простых рядовых членов не предусмотрены.

После прихода Партии к власти все нечлены Партии уничтожаются, а сама Партия распускается. Членские взносы после роспуска Партии сохраняются впредь до особого распоряжения.

Президент

Совершенно необъяснимо, почему какому-то человеку может вдруг захотеться стать президентом такой страны, как Россия. Президентом хорошо быть в тихой незаметной стране, типа в Болгарии. Ну вот какие новости запомнились за последние годы про Болгарию? Да никаких. Кто там президент? Да хуй его знает. И сами болгары тоже не знают. И президент там ходит, зевает, пьет кофий и делает настойки на ракии.

А в России быть президентом – это очень хлопотно, и даже денег не наворуешь как следует, потому что очень уж должность заметная – воровать лучше на тихой какой-нибудь таможне.

Хотя понятно, конечно, что, раз уж ты стал Президентом, то строчка про тебя в грядущем учебнике истории уже считай обеспечена, если конечно к тому времени ещё останется какая-нибудь история. Но ведь всем хочется абзац, а лучше бы главу, чтобы ученики проходили её целую четверть, а потом непременно сдавали по ней государственный экзамен. Но даже и на абзац пока никак не набирается. Не про вертикаль же власти туда писать?

Ну, разорил там Гусинского, Березовского и Ходорковского. Но как-то совсем не до конца разорил, а половина вообще разбежалась. Ну посадил писателя Лимонова в тюрь-

му, да тут же выпустил. Войну не то выиграл, не то проиграл, непонятно. Как-то всё ни то ни сё. Бород не нарубил, курить табак всех не заставил, и никого совсем не завоевал – ну хотя бы Монголию что ли.

Как-то всё уныло. Чахнут ремёсла, вяло гниют искусства и печально цветёт одна лишь последняя осенняя педерастия.

Остановит ли хрустальное свое яйцо путешественник во времени, пролетая мимо две тысячи третьего года? Хуй он его остановит, проскочит дальше – в тридцать седьмой куда-нибудь или в восемьсот двенадцатый.

Концлагерь

При идеальном мироустройстве спать ночью запрещается. Если человека застали за тем, что он спит ночью, его немедленно сажают в Концлагерь.

В Концлагере каждое утро этот человек должен приходить ровно в семь часов утра на работу и восемь часов подряд вращать Ручку. Ручка торчит из стены, с обратной стороны гайка. Если человек опаздывает на работу хотя бы на одну секунду или плохо вращает Ручку, то его тогда из Концлагеря прогоняют на все четыре стороны, и назад даже не просись. Если же он вращает Ручку хорошо, то его переводят на повышение, где нужно вращать уже две Ручки, в разные стороны и с разной скоростью.

Кроме того, этому человеку выделяют жену и квартиру на девятом этаже. Других квартир в Концлагере не бывает. В этой квартире человек обязан прибить полочки, а жена его должна наварить борща. Если придёт проверка, а человек не прибил полочки или жена его не наварила борща, их обоих тоже прогоняют из Концлагеря.

Ещё человеку выделяют Участок, где он обязан растить Корнеплоды. Никаких надземных растений не разрешено, и если заметят на участке хотя бы один зелёный листик, участок отбирают и отдают соседу. Расположены все участки в пяти минутах ходьбы, но добираться до них пешком запре-

щено. Можно только на трёх электричках, потом на двух автобусах, и ещё час с сумками через пашню. Без сумок не решается.

Если человек за десять лет не нарушил ни одного правила, ему позволено завести Свиню и заботиться о ней, пока Свиня не помрёт. И о детях её заботиться, и о родственниках всех, пока они тоже не помрут. Если человек дождётся, когда умрёт Свиня и все её родственники, и только потом умрёт сам, про него говорят, что святой был человек, труженик, Царствие ему Небесное. А если не дождётся, то ничего не говорят – похоронят молча, водки выпьют и разойдутся по домам.

Путь Джида

Вот, предположим, идёт по улице Джидай. Такой, знаете, средней руки Джидай, не очень выдающийся. Тут, конечно же, на него валятся сверху Мудаки. Джидая же никогда не дадут просто так куда-то пройти. Он роется по всем карманам в поисках Светового Меча, наконец находит его в заднем кармане штанов. А Меч весь грязный, в табачных крошках, внутри его набились какие-то сломанные сигареты, мятые билеты и жетон на метро. Пока он всё это выковыривает, Мудаки его, конечно, уже убили.

Из всего этого, помимо прочего, следует, что настоящим Джидаем можно быть только в Идеальном Мире, где нет сломанных сигарет, жетонов на метро, да и самого метро тоже нет. В нашем мире, если Джидай начнёт скакать как ебанутый со своим мечом, он непременно поскользнётся на собачьем говне или запутается в трамвайных проводах, а это для Джидая очень позорно.

* * *

Один швейцарский профессор написал целый труд, в котором проводит морфологическую связь между словами Jedi и Jude и делает из этого такой вывод, что все Джидай явля-

ются евреями. Кроме того, он утверждает, что Мастер Йода – это, на самом деле, Иуда Искарот, мутировавший от жёсткого космического излучения, а настоящая фамилия Скайвокера – Химмельгангер. Помимо этого, труд профессора содержит ещё множество таких глупостей, которые даже не хочется повторять.

Да, действительно, следует признать, что процент евреев среди Джидаяв непропорционально высок, так же как непропорционально высок он среди шахматистов или скрипачей. Однако утверждать, что все Джидай являются евреями, так же нелепо, как утверждать, что все евреи являются Джидаями.

Уважаемому профессору, раз уж он взялся за эту тему, следовало бы знать, что ни к евреям, ни к кому-либо другому Джидай первоначально не имели вообще никакого отношения.

В частности, самый первый Джидай образовался ещё за три миллиона лет до нашей эры в результате случайной комбинации молекул. Он прожил около двухсот семидесяти тысяч лет и в конце концов всё же умер, не оставив потомства, потому что ему было не с кем.

Следующий Джидай был изготовлен уже в средние века известным чернокнижником Леонардо да Винчи для своих каких-то алхимических надобностей. После нескольких лет издевательств Джидай вырвался-таки из клетки, съел своего хозяина и принял его внешний вид. За следующие несколь-

ко лет этот Джидай нарисовал пять-шесть картинок, изобрёл вертолёт, разгадал все до единой тайны устройства этого мира, затосковал, трижды безуспешно пытался повеситься и, в конце концов, ушёл пешком в открытый космос.

Первый Световой Меч был изобретён в самом начале двадцать первого века неизвестным учеником седьмого класса школы № 28 города Петербурга путём усовершенствования простого фонарика с лазерным лучом, какой можно купить в киоске за тридцать рублей.

Меч этот использовался в основном для выжигания надписей на стенах и вырезания отверстий в юбках одноклассниц. Тайну его изготовления ученики средних классов передавали следующим поколениям в течение трёхсот лет, и только в двадцать четвёртом веке Меч приобрёл привычный нам вид.

* * *

Между прочим, однажды Джидай чуть было не создали Идеальный Мир на Земле.

Во всяком случае, уже к восемьдесят четвёртому году прошлого века на всей территории бывшего Советского Союза, кроме Москвы, были уничтожены ненужные для Просветления предметы, как-то: колбаса, сливочное масло, электрические лампочки, постельное бельё, стиральный порошок, гречневая крупа и пластинки Аллы Пугачёвой. За-

то вместо них появилась очень полезная для Просветления андроповская водка. В Москве, кстати сказать, колбаса, пусть и варёная, была всегда, поэтому Москва так навсегда и осталась бездуховным корыстным городом, навсегда чуждым всякого Просветления.

И вот, когда уже можно было объявлять Коммунизм, некоторых Джидаев задушила вдруг Жаба: это что же, значит, получается – что ни у кого не будет денежек? Ну, это ладно бы, что ни у кого, но ведь и у Джидаев тоже, что ли, не будет денежек? Да ещё и тем, кто не Джидаи, а совсем наоборот, тоже, что ли, каждому по потребностям?

Нет, так не годится, сказали эти Джидаи и убили Андропова. А вместо него посадили Горбачёва, который был только наполовину Джидай и поэтому сам не знал, чего хочет.

Вот и стали у нас опять капиталистические джунгли, и человек человеку волк, и кто первый встал, того и тапки.

Ельцин был когда-то очень продвинутый Джидай, но он давно потерял по пьянке свой меч и всё ему с тех пор стало похуй.

Остальные Джидаи занялись кто чем: кто-то наворовал себе столько, что вообще уже ничего больше не хотел, кто-то подался в талибан, а остальные потихоньку продавали Россию – не для того, чтобы разбогатеть, а просто так: стыдно ведь смотреть на то, что со страной сделали, пусть лучше её вообще не будет.

А Чубайса вообще никуда не брали – ни на Светлую сто-

рону, ни на Тёмную, потому что он Рыжий. Чубайс тогда приказал, чтобы ему отрезали голову и вместо неё надели Чёрный Шлем. После этого он стал уже не Рыжий, но из-под шлема ему не видно ничего, и он стал думать, что раз ему не видно, то и другим ни к чему. И всё электричество выключил.

В конце концов, оставшиеся Джидай собрались и договорились: пригласить такого человека, чтобы был вообще не Джидай. То есть совершенно не Джидай, но зато справедливый, и пусть он будет Президентом, а Джидай будут ему подчиняться, потому что ясно же, что у самих у них ничего хорошего не выходит.

Нашли такого человека. Совсем не Джидай, абсолютно. Тихий, не скачет. Подойдёт только иногда к какому-нибудь Джидая и скажет вежливо: «Сдайте, пожалуйста, ваш меч». Джидай сдаст, конечно, договорились ведь. Тогда Президент ему опять говорит вежливо: «А теперь идите, пожалуйста, нахуй». И уходит бывший Джидай на какую-нибудь позорную должность – в банк там или в акционерное общество председателем.

А Президент собирает мечи в особый ящичек и иногда вечерами перебирает их, рассматривает внимательно – всё надеется найти там секретную кнопочку, от которой из меча выскакивает луч.

Но нет там нигде кнопочек, там всё как-то по-другому устроено.

Да и ладно. Всё равно Президент сделает всё как надо. Идеальный Мир он, конечно, не построит, но отдельную справедливость там, где нужно, установит. Если не так, то эдак, не с первого раза, так со второго, не спереди, так сзади. Тихо и не спеша, без зла и без особых искр, хорошую такую, неотвратимую, как бледная и незавидная наша судьба, Справедливость.

Викинги

В наше с вами время совершенно несправедливо забыта древняя цивилизация Викингов.

Современный человек про Викингов знает только валькирий и нибелунгов, которых придумал немецко-фашистский композитор Вагнер по специальному заказу Гитлера.

А между тем много тысяч лет тому назад, когда греки и евреи ещё не придумали ту хуйню, в которой мы сейчас все живём, Викинги создали совершенно другую цивилизацию.

Например, будучи великими мореплавателями, они открыли, помимо всех известных нам материков, два до сих пор нам неизвестных. Это они первыми установили, что Земля имеет форму кастрюли без крышки, на которой мы живём с обеих сторон.

Но не только географическими открытиями были славны викинги. Они сделали множество изобретений во всех практически областях знания.

Но их преследовали постоянные неудачи: выведенная ими путём многолетней селекции неплавающая рыба не сохранилась до наших дней, так как вся утонула. Они первыми вывели живого человека в космос, но он там умер. Созданный Викингami искусственный человек до такой степени не отличался от настоящего, что не было никакого смысла его изготавливать. Первый и последний в мире картофельный ла-

зер съели насекомые, а цветной телеграф так и не удалось запустить из-за отсутствия электричества.

Викинги пытались передать свои знания другим народам: это они научили другие народы отличать свинину от говядины и рассказали всем об истинном назначении женского клитора, но и эти знания были народами утеряны и забыты.

В сущности говоря, единственное, что осталось от Викингов в современном мире, – это деревянные бухгалтерские счёты, изобретённые Викингами пять тысяч лет назад для катания на них с невысоких гор.

Государство Корея

Государство Корея является единственной из известных цивилизованному человечеству инопланетных колоний на планете Земля. Есть ещё несколько колоний, известных человечеству нецивилизованному, но его никто не спрашивает.

Подтверждений этому множество.

Во-первых, у всех корейцев одинаковая фамилия. Иногда её произносят как «Ким», иногда как «Цой» или «Пак», но это только потому, что никто, кроме самих корейцев, не знает, как читать их иероглифы, а посторонним они специально рассказывают про эти иероглифы разную ерунду, чтобы всех ещё больше запутать.

Во-вторых, два человека, посетивших государство Корея в одно и то же время, расскажут о нём прямо противоположные вещи: один скажет, что это нищая страна, в которой на каждом углу стоят автоматчики, а другой скажет, что это полная чепуха, потому что вся Корея населена одинаковыми близнецами в чёрных-пречёрных костюмах. Эти близнецы непрерывно куда-то бегут, очень громко галдят и собирают при этом день и ночь разные механизмы.

По этой причине в остальном мире принято считать, что будто бы существуют два государства Корея (что само по себе глупость) и что, якобы, даже когда-то из-за этих двух Ко-

рей была война между Советским Союзом и Америкой. На самом же деле вся война прошла над безлюдной пустыней Гоби и местные жители её даже не заметили. А те будто бы два разных государства, которые кто-то нарисовал на карте, – это просто две разные проекции того шестимерного тела, которым в действительности и является государство Корея: если зайти в него с одной стороны – будут автоматчики, если с другой – небоскрёбы, а если выкопаться в Корею из-под земли или свалиться на неё из космоса – будет что-то уже совсем непредставимое. Но этого никто не пробовал делать, а если и пробовал, то обратно не вернулся.

Отдельных корейцев в природе не существует. Каждый кореец, которого остальные народы считают отдельным по той причине, что у него есть удостоверение личности, таким не является. А является он частью организма по фамилии, ясное дело, КИМ. Этот КИМ тоже является проекцией, и поэтому существует в двух состояниях: один КИМ правит государством Корея и медленно стареет, а другой в это время с такой же скоростью молодеет. Затем в нужный момент они меняются местами, и остальному миру объявляют, будто бы старый КИМ умер и на его место заступил новый.

Питается КИМ мясом Небесной Коровы, которая регулярно прилетает из глубин космоса. Мясо это отличается тем, что даже самый крошечный его кусочек при соприкосновении с любой другой пищей и даже не пищей превращает её в такое же мясо. Помимо этого ничего особенного в этом

мясе нет: все его пробовали, когда покупали на базаре корейские салаты: нет никакой разницы, из чего они сделаны – хоть из морковки, хоть из рыбы – вкус одинаковый. Для человеческого организма это мясо совершенно безвредно и так же бесполезно, поскольку не содержит никаких питательных веществ. Можно смело есть в любых количествах.

О том, какова миссия государства Корея на Земле, знает только КИМ. Но он никогда и ничего об этом не скажет. Потому что тогда все будут смеяться: ведь на самом деле это государство просто давным-давно заблудилось и уже много-много миллиардов лет ждёт, что прилетит кто-нибудь из взрослых и заберёт его обратно домой.

Настоящее Айкидо

Сейчас уже нет Настоящего Айкидо. В наше время айкидо называется, когда два мудака лупят друг друга пятками в челюсть, или ломают друг другу суставы, или не знаю чем они там ещё занимаются, не видел никогда.

А Настоящее Айкидо – оно было совсем другое. Оно заключалось в том, чтобы победить Неприятеля так, чтобы самому не сильно напрягаться. Для этого даже не обязательно с этим Неприятелем встречаться.

Ну вот, например, идёт к вам Неприятель с топором, чтобы вас зарубить нахуй. А вы живёте в таком месте, что пока Неприятель к вам шёл, он два раза на говнище поскользнулся и в это же говнище ещё и мордой въехал. И отрубил себе от злости палец. Кто победил? Вы, конечно, победили и даже, может быть, про это не узнали. Это и есть самая правильная победа.

Или ещё, допустим, Неприятель решил послать вас повсякому нахуй. А у вас мобила отключена за неуплату и телефон тоже дома отключен за неуплату, а дверь вы никому не открываете, потому что заебали уже – ходят и ходят. Неприятель в вашу дверь звонил-звонил, барабанил-барабанил, ну и прокусил себе от злости руку. А вы опять его победили.

Ну или ладно, пришлось вам всё-таки выйти на это татами, или как оно там у них называется. И Неприятель тоже

вышел, рычит. А вы стоите такой, знаете, босенький, руки в цыпках, носом шмыгаете. Неприятель как на вас посмотрел, так сразу и вспомнил детство своё босоногое, речушку, карасика, мормышку, поплавок из пробки, маму старенькую, которой уж лет пять не звонил, да и заплакал. Махнул на вас рукой и пошёл домой. А по дороге объелся, как в детстве, мороженым, захворал да и окочурился.

А вы опять, как всегда, победили.

Другое дело, что нет уже больше таких Мастеров Настоящего Айкидо, пропали все куда-то.

На иного посмотришь – вроде бы и Мастер, но всё равно однажды не уследил, расслабился, задумался, – ну вот уже и валяется на татами с топором в спине и три раза нахуй посланный.

О влюбленных

Любовь – это очень прекрасное чувство.

Когда человек влюблённый, это чувство захватывает его целиком, без остатка. Он запросто продаст Родину, отца родного, мать-старушку; он украдёт, зарежет, подожжёт и даже сам не сообразит, чего наделал.

Со стороны влюблённые производят неприятное впечатление.

Оставишь их одних на пять минут, кофе поставишь, вернёшься – а они уже на пол свалились. Или сидят, но рожи красные, глаза выпученные и языки мокрые. И сопят.

Влюблённые вообще много сопят, чмокают и хлюпают. Из них всё время что-то течёт. Если влюблённых сдуру положить спать на новую простыню, они её так изгваздают, что только выбросить.

Если влюблённый один, то у него есть Предмет Любви. Если Предмет Любви по легкомыслию впустит такого влюблённого хотя бы на пять сантиметров внутрь, он тут же там располагается, как маршал Рокоссовский в немецком городе, вводит комендантский час и расстрел на месте, берёт под контроль внутреннюю секрецию и месячный цикл. При этом он редко оставляет потомство, потому что всё время спрашивает: «Тебе хорошо? А как тебе хорошо? Как в прошлый раз или по-другому? А как по-другому?»

Зато когда влюблённого оттуда прогоняют, он немедленно режет вены и выпрыгивает в окошко. Звонит через два часа в жопу пьяный и посылает нахуй. Через две минуты опять звонит, просит прощения и плачет. Такие влюблённые вообще много плачут, шмыгают носом, и голос у них срывается.

Одинокого влюблённого на улице видно за километр: голова у него трясётся, потому что газом травился, но выжил; идёт он раскорякой, потому что в окошко прыгал, но за сучок зацепился и мошонку порвал. А на вены его вообще лучше не смотреть – фарш магазинный, а не вены. Но при этом бодрый: глаза горят, облизывается, потому что как раз идёт Выяснять Отношения. Он перед этим всю ночь Предмету Страсти по телефону звонил, двадцать четыре раза по сто двенадцать гудков, а теперь торопится в дверь тарабанить, чтобы задавать Вопросы. Вопросы у него такие: «Ты думаешь, я ничего не понимаю?», «Почему ты не хочешь меня понять?» и «Что с тобой происходит?»

Ещё он говорит: «Если я тебе надоел, то ты так и скажи» и «Я могу уйти хоть сейчас, но мне безразлична твоя судьба». Ответов он никаких не слушает, потому что и так их все знает.

А ещё иногда он напишет стишок и всем показывает, стыда у них вообще никакого нет.

В целом же, влюблённые – милые и полезные существа. О них слагают песни и пишут книги. Чучело влюблённого с телефонной трубкой в руке легко может украсить экспози-

цию любого краеведческого музея, хоть в Бугульме, хоть в Абакане.

И если вам незнакомо это самое прекрасное из чувств, вас это не украшает.

К сожалению, вы – примитивное убогое существо, мало чем отличающееся от виноградной улитки или древесного гриба. На вас даже смотреть противно, не то что разговаривать.

До свидания.

Правда о Женщинах и Евреях

А всё-таки женщины довольно сильно отличаются от мужчин.

Вообще сама идея разместить в таком небольшом объёме всю эту технику для производства живых людей, – она совершенно в принципе невыполнима. Если задуматься о внутреннем устройстве женщины, то это примерно как если открыть капот автомобиля и туда смотреть. Ничего не понятно – шланги какие-то, трубы неизвестно откуда и куда. Куча каких-то штук, совершенно ненужных на первый взгляд, но без них никто никуда не поедет. Охуеть, в общем.

И при этом техника эта вся весьма таки ломкая, как раз потому, что сильно сложная. Она не предназначена для того, чтобы скакать с ней по кочкам, нырять в глубины, карабкаться в горы и летать с ней в космос. Стационарное такое весьма устройство.

Ну, если, конечно, не важно, чтобы оно работало, то можно и крутить двойное сальто с винтом, но если хочешь рожать детей, то сиди лучше и не прыгай.

И Господь Бог, когда это всё сочинял, тоже понимал, что вот это и есть самое слабое место и никак при этом нельзя кардинально повысить его надёжность. Он, конечно, укрепил всё вокруг – женщины, они и живут дольше, и с ума сходят реже, и вообще на них пахать запросто можно, что неод-

нократно осуществлялось. Но всё равно сбоит – очень мало на свете счастливых женщин совсем без гинекологических проблем.

Более того – Господь Бог придумал целую Богоизбранную Нацию именно для того, чтобы она осуществляла техобслуживание наиболее уязвимых узлов – нацию гинекологов и дантистов, и как раз в этом и заключается её Предназначение, а вовсе не в том, чтобы всех купить и продать.

Кстати, Евреи, давно вам хотел сказать Неприятное.

Вот лично я думаю, что это не вы ответственные за всё зло, происходящее в мире. Из-за вас происходит процентов максимум пятьдесят зла, может быть даже меньше.

И Христа не вы распяли – вы просто не сильно возражали. И если в кране нет воды, то это не вы её выпили, а просто сантехник наш Коля – пьяный мудака. И не потому он пьяный мудака, что вы споили русскую нацию, а потому, что у него просто руки растут из Жопы.

Я понимаю, что обидно такое слышать, но должен же кто-то это сказать.

Мерзость

Мерзость появляется постепенно.

Вот раздаётся звонок в дверь. Мы, сопя, кряхтя и кашляя, медленно-медленно натягиваем штаны и, шаркая рваными тапками, бредём открывать. Открываем, а там никого нет. Но воняет страшно. Хотя, может быть, это подростки опять в лифте насрали.

Потом звонит телефон. Алло! кричим мы, алло! А в трубке кто-то чавкает и сморкается.

Тут мы чувствуем, что за окошком как-то нехорошо. Выглядываем – а там глаз литров на пять. Качается в воздухе и слёзы льёт по судьбе своей одноглазой. Тыкаем мы в него палочкой, а он хлоп – и сдувается. И висит на палочке, как пенка от какао. Гадость ужасная.

После этого мы собираемся погладить штаны. А в розетке кто-то сопит и штепсель наружу выпихивает. Получается, что там кто-то живёт и на нашем электричестве морду себе наедает. А счётчик, между прочим, крутится.

И вообще, чувствуется, что в доме завелась какая-то мерзость: вот приходим мы с работы – и наступаем носком в целую лужу соплей. Потом ещё замечаем, что окурки в пепельнице кто-то жевал.

Очень нам всё это не нравится.

А однажды заходим мы на кухню, а мерзость тут как тут –

уже в мусорном ведре роется: чего бы вкусенького слопать. Но мы её пока подробно рассматривать не будем, потому что очень уж она противная.

Но в конце-то концов рассмотреть придётся, куда денешься.

Поначалу мерзость ещё новенькая, вся в свежих соплях, и деловитая, как таракан. Все её усы, щупальца, жвалы, буркалы, присоски и бородавки постоянно движутся сами по себе, как попало. И сама мерзость всё время копошится, зевает, сморкается, шебуршит, вздыхает и почёсывается, как Акакий Акакиевич за стаканом чаю, потом какую-нибудь дрянь хватает, лопает, при этом чавкает страшно, носом шмыгает, икает, на пол харкает, кривым ногтем из зуба что-то сгнившее достаёт, нюхает внимательно и съедает. И опять же – сопли, сопли до колен. И перхоть. Да ещё бородавка на носу, тьфу! Прямо всю кухню заблевать хочется. И глазки, все семнадцать штук, бегают – сразу видно, что опять окурков без спросу нажралась.

Тут смотрим: батюшки-светы! – а на ней уже детёныши копошатся, штук двадцать. Когда успела? От кого? Детеныши липкие, головастые, пучеглазые, полные колготки насраны, копошатся у мерзости на спине, сейчас свалятся и весь дом козюлями перемажут.

В духовке не горят, в морозильнике не мёрзнут и смотрят внимательно: кого бы сожрать.

Но мы ещё точно не знаем – а вдруг эта мерзость не очень

вредная? А может, наоборот, полезная? Вдруг, если из неё ведро соплей нацедить и на потолок плеснуть, то вся побелка обвалится, которую туда пятьдесят лет каждый год намазывали? Мы же не пробовали. Или, например, настричь с неё бородавок, на спирту настоять и выпить стакан натошак с похмелья, тогда что получится? Страшно интересно.

Но тут мы заходим на кухню и видим, что бесстыжая мерзость уже влезла с ногами прямо в холодильник и там бутылкой нашего кефира хрустит. И ладно бы ей этот кефир на пользу пошёл, так ведь нет! Весь кефир по харе размазался, а мерзость дожёвывает пластмассовую бутылку, хотя этих бутылок полное мусорное ведро. А детишки кружком расселись и на родительницу пучатся: ума-разума набираются.

Тут мы понимаем, что если сейчас же эту мерзость не окоротим, завтра она уже сожрёт три последних маринованных огурца, которые мы бережём на какой-нибудь чёрный случай, например, если гости с водкой придут, и делаем вот что: берём швабру, возвращаемся на кухню и тычем мерзости прямо в кожаный мешок, который у неё с брюха свисает. А она как раз этот мешок перед собой разложила и не налюбуется.

Как она завизжит! Как об потолок шмякнется! И оттуда вниз, на мойку, на газплиту, на посуду – всё вдрызг, яишница недоеденная – в стену, детишек штук семь – в брызги, и харей своей вонючей прямо в нашу сметану протухшую – шмяк! И в ванну за нами ломится, ещё гаже, чем прежде.

Хорошо, хоть щеколду пока открывать не научилась. А потом уходит обратно к себе на кухню и там нюни развешивает, аж соседи в дверь барабанят. С потолка у них течёт, видите ли. Нежные какие.

Может быть, зря мы мерзость шваброй-то. Вдруг ей этот мешок очень сильно нужен? Вдруг она из него икру мечет?

Ладно, нагребём мы по углам трухи побольше, пусть она хоть с ног до головы в ней изваляется, не жалко. И сосиску пусть сожрёт, которая ещё с Нового Года на блюдечке лежать осталась.

Но так нам до сих пор и не понятно – вредная эта мерзость или полезная.

Однако вскоре всё проясняется. Вот мы видим, как соседская старуха, тоже противная, даром, что без соплей, подкрадывается к нашей двери и суёт под неё квитанцию за междугородные переговоры. А мерзость её изнутри прямо за эту квитанцию сквозь щель всасывает и там за дверью хрупает. Видно, не наелась она сосиской. Старушка-то что – там еды на один зуб, и остаётся от неё один измусоленный тапочек. А квитанция, та ничего – лежит себе в прихожей. На сто тридцать два рубля сорок семь копеечек. Недёшевы нынче переговоры-то.

Старушку кому-нибудь может быть и жалко, но зато мы-то теперь точно знаем, что мерзость – вредная, и нужно её немедленно изводить, потому что как-то она не в меру обжи-лась: обложила всё вокруг яйцами, обклеила паутиной, гною

по колено из себя надавила и забила всю канализацию. Да ещё настроила в углу каких-то пыльных поганок, а в них что-то совсем уже неприятно потрескивает.

Кроме того, недели через три старушкина племянница обязательно хватится, пришлёт милицию, а уж если милиция в доме заведётся, ту уж точно сроду не вытолкаешь.

А как её изводить, спрашивается? Ну ладно, берём мы швабру и начинаем потихоньку сгребать мерзость в сторону двери. А она хнычет, упирается. Пригелась на всём готовеньком, детки у ней новые в поганках зреют. Просачивается мерзость обратно, за батарею присосками цепляется, попробуй отдери.

Тогда мы делаем так: берём мусорное ведро и начинаем загружать туда совком поганки. Мерзость нас за руки хватает, смотрит умоляюще, а мы хоть бы что – спускаемся вниз и вываливаем ведро прямо на помойку посреди двора. А мерзость, вон она, уже вниз по лестнице шлёпает, подползает к грибам, три раза их пересчитывает и слезами горячими поливает.

Вот так-то у нас! Нечего было раковину на кухне засорять! А то ишь, повадилась детишек своих обосранных под краном полоскать. Да ещё всю лестницу соплями изгваздала. Хуже подростков, честное слово.

В общем, мерзость мы извели и старушкиной племяннице глаза круглые показали – какая, мол, такая Анна Матвевна?

А мерзость тем временем двор осваивает. Те бомжи, ко-

которые уже совсем ничего не соображали, в неё в первый же день вляпались, да там и сгинули. А тех, которые ещё чуть-чуть в своём уме были, она наловчилась на бутылки ловить: выстроит посреди себя целый штабель ящиков, а в них бутылочки так на солнце и горят! Бомжи прямо целыми шеренгами идут. А как дойдут, так даже передрасться как следует не успеют. Поминай как звали. Тишина, и пьяные нигде не валяются. Хорошо!

Местные жители не нарадуются: прямо в мерзость мусор вываливают, всякой тухлятиной подкармливают, за уборку платить не нужно.

А мерзость на бомжах да на тухлятине харю совсем уже невозможную наела: на полдвора расплзлась, семнадцатое поколение на ней поспекает, а глубина соплей в иных местах уже доходит до трёх метров.

Однако, начинают за мерзостью замечать, что она уже совсем к другим старушкам прирастилась – к полезным, которые на лавочках сидят и следят внимательно, чтобы всё в мире было правильно. Вот одна старушка пошла за молоком, другая за крупой – а возле мерзости родственники через два дня ботики с мехом находят и шапочку вязаную. Ну, ясное дело, звонят они в милицию.

Милиция приезжает, из жигулишек своих выскакивает, глазки поросычьи выпучивает и разводит дубинками в разные стороны: да что же вы тут такое расплодили? Это, говорит, нужно вызывать санэпидстанцию. И задом, задом – об-

ратно к себе домой, на базар, блюсти среди петрушки устав караульной службы.

А санэпидстанция что? Та вообще еле ноги унесла – у неё мерзость семьдесят кило наиновейшего дусту сожрала и чем-то едким главному отравителю в рожу плюнула. Кое-как с него противогаз соскоблили.

В общем, махнули на мерзость рукой. Где совсем не пройти – досочек пробросили, кирпичей, тухлятину стали прямо из окон в мерзость вываливать, а старушек всех на ключ заперли, чтобы не очень по двору шлялись.

А однажды снится нам сон.

Как будто встали мы среди ночи водички из-под крана попить, в окошко выглядываем – мать честна! – а там счастье привалило, чистый голливуд: висит прямо посреди двора вертолёт, а оттуда местный терминатор ботинки кованые свесил и мерзость из огнемёта поливает. А сам сигаретку курит, типа не впервой ему. А вокруг оцепление, и главный полковник в камуфляже и чёрных очках рукава по локоть закатал. Ещё бы рожу ваксой намазал. Смех, да и только.

Мерзость сначала сидит смирно, но потом терминатор, видно, пару поганок всё же подпаливает. Вытаскивает тогда мерзость из себя щупальце потолще, аккуратно берёт вертолёт за хвост и слегка постукивает о соседнюю станцию метро. Терминатор с перепугу сразу же хлопает прямо в середину мерзости с двадцати метров, а когда от керосина занимаются гранаты, весь этот голливуд отправляется по воздуху

с горящими жопами прямо в сторону соседнего дурдома.

У нас тоже стёклышки вылетают, но ничего – не холодно, потому что станция метро горит довольно хорошо и даёт заметное тепло. Мы даже слегка начинаем переживать – как бы холодильник у нас не разморозился, а то из него такая дрянь польётся, какой ни одна мерзость из себя не выдавит.

Спускаемся мы вниз, а там дымище, мерзость хнычет, пузыри пускает. Кругом валяются пулемёты, гранатомёты и совсем уже какая-то неизвестная дрянь. Ну, в таком хорошем хозяйстве, как у нас, всякая мелочь сгодится. Собираем мы, чего унести можно, и домой возвращаемся.

А водички-то так и не попили! Заходим мы на кухню – а там тётка сидит. Откуда взялась, зачем? Ничего не понятно. Сиськи в разные стороны торчат, зубов штук пятьдесят, сейчас сверху вспрыгнет, выебет до смерти, а потом жрать ей накладывай, видали мы таких, спасибо. Такая уж дрянь иногда приснится.

Мы, пока тётке такие глупые мысли в голову не взбрели, срочно суём ей в каждую руку по гранатомёту. Тётка, как велит её женская природа, тут же дёргает гранатомёты за все выступающие части, и вот мы уже наблюдаем, как вослед бывшему нашему соседу, улетающему в окно со спущенными штанами, разматывается рулон розовой туалетной бумаги. Вот так-то. Холодильник наш ему, видишь ли, громко дребезжал!

Тётка от такой неожиданности немедленно разевает рот и

напускает лужу. Можно подумать, что в первый раз увидела мужика с голой жопой, ага.

Но тут мы замечаем, что тётка начинает как-то неприятно ощупывать второй гранатомёт, после чего что-то происходит с фотографической нашей памятью. То есть видим мы, как тётка и какой-то полоумный шварценеггер волочат нас по пыльному двору, солнышко светит, у нас черепушка сверху наполовину снесённая, а у тётки в руках опять гранатомёт и полиэтиленовый пакет с какой-то серо-красной кашей – видимо, с нашими мозгами. А как мы все тут оказались – не помним, хоть режь. Какая-то неприятность вышла, должно быть. Опять, наверное, тётка чего-то начудила.

Вот приносят нас в районную больницу. Тётка, сразу на входе, пуляет две гранаты в регистратуру, чтобы тамошняя сука амбулаторную карту не спрашивала. А сбрендивший шварценеггер нас на себе волочит вприпрыжку, пузырьки счастливые пускает, всё ему теперь куличики.

После этого оказываемся мы в неизвестном кабинете, где доктор в очёчках что-то знай себе бубнит про флюорографию, микрореакцию, первый кабинет... Ах ты сука! – удивляется тётка и всаживает гранату аккуратно в середину кишечно-инфекционного отделения, наловчилась уже. Все утки вдрызг, дрисня фонтаном, зато доктор стоит весь в крапинку и уже на любое должностное преступление согласный.

Заводит он свою центрифугу и процеживает через неё всю дрянь из мешочка: что посрее – в одну кювету, а что посоп-

ливее – в другую. Правильно-неправильно – да хрена там в этой центрифуге разберёшь, она же крутится, как сумасшедшая, аж стекла дребезжат. Потом вываливает доктор всю серую кашу из кюветы нам в остатки черепушки и даже ложкой выскребает, так старается. Наконец нахлобучивает нам сверху оплешивевшую верхнюю половину и током как ебанет! У нас только зубы – клац! и язык синий уже по полу скачет. А доктор снова – десять тыщ вольт еблысь!

Вот тут-то у нас в башке что-то чавкает.

И встаём мы во весь свой средний рост. Медленно-медленно. Глазками своими выпученными во все стороны поворачиваем и в уме кулёк шестнадцатеричных интегралов лузгаем, чтобы время скоротать до установления ровно через три секунды нашей беспредельной власти над вселенной, видимой нам до тех самых краёв, на которых она сама под себя заворачивается.

– Угу, – говорим мы, потому что язык на полу в мусоре валяется, отпрыгался, – угу, и одним шмыгом носа всю восточную Европу в гармошку сморщиваем.

Но доктор-то, сволочь, пригнулся и снова как ебанёт!..

И вот сидим мы в стеклянном гробу, воняем горелой пластмассой, и сколько будет семью восемь вспомним, наверное, но только если очень крепко задумаемся. А пока мы думаем, доктор уже язык с полу подобрал, об штаны вытер и пришивает на место цыганской иглой. Язык воняет дри-снёй, карболкой, у доктора руки невкусные, солёные – вспо-

тел, видать, сильно, пока мы Европу морщили. И плачем мы, и размазываем по обгорелой харе грязные слёзы, потому что вселенная скукожилась в такую дрянь, которая сама под себя только ходить может. И жалко нам, а чего, спрашивается, жалко? Мы уже и не помним.

И тогда просыпаемся мы уже насовсем, пьём тёплую воду из-под крана и смотрим в окошко.

Скоро зима. От мерзости идет пар. Иногда из неё вылупляется глаз и медленно куда-то улетает, покачиваясь в воздухе. И сопли, сопли, бесконечные сопли сверкают под луной.

Красиво.

Насморк вот только нас мучает. Бородавка на носу вылезла, волдырь на лбу вскочил и чешется – третий глаз, должно быть.

Как проклюнется, там видно будет.

Мудак

Николай Константинович был человек неплохой, но совершеннейший мудак.

На иного посмотришь – ведь свинья свиньёй: и в штору высморкается, и всех женщин за ягодицы перещиплет, и сироте копеечку не подаст, но при этом не мудак. Люди к нему тянутся, в коллективе его уважают, и женщины на него не сердятся.

А Николай Константинович, хоть и вежливый, и поздороваётся, и слова грубого никогда не скажет, а мудак, и всё тут. Люди на него как посмотрят повнимательнее, так у них сразу кожа на лбу складками собирается. Вот как-то зашёл Николай Константинович в церковь свечечку поставить, а там поп всех кадилом обмахивает. Всех обмахнул, а как до Николая Константиновича дошёл, так даже споткнулся. Посмотрел на него внимательно, кадило придержал и ушёл в другой угол махать.

Из-за своего мудачества Николай Константинович часто попадал в неприятные истории.

Например, стоит он в очереди за постным маслом, а на него сверху со ступенек валится человек. Должно быть, этому человеку зачем-то понадобилось со ступенек свалиться, подумает Николай Константинович и посторонится, чтобы не помешать. А человек всю морду себе об асфальт и разо-

бьёт вдребезги – припадок у него, оказывается. Вся очередь тут же нападёт на Николая Константиновича: почему, мол, человека не словил? Наверное, специально хотел полюбоваться, как он об асфальт морду разбивает? Ну и накостыляют Николаю Константиновичу по шее, да ещё из очереди прогонят.

Или лежит, бывало, кто-нибудь в луже, а Николай Константинович идёт мимо. Уже и за угол повернёт, а его хватят за шиворот: почему не остановился, сукин сын? Может человеку с сердцем плохо? Почему не поинтересовался, мурак? И опять накостыляют.

Даже те люди, которые к Николаю Константиновичу поначалу неплохо относились, и те рано или поздно вдруг посмотрят на него внимательно, сморщатся и скажут: «Ну и мурак же ты, Николай Константинович!»

А однажды на службе, где работал Николай Константинович, кто-то украл деньги. Не десять рублей, и не сто, а какие-то огромные тыщи, которых и за пятьдесят лет не заработаешь. И все на службе знали, что украл их один пьяница, которого все любили, потому что он кому хочешь последнюю рубаху отдаст. Жалко было всем этого пьяницу – у него же детей семь штук и жена – беззаветная труженица на швейной фабрике.

В общем, сговорились все и, когда пришла милиция, показали пальцем на Николая Константиновича: он, дескать, ботинки себе ни с того ни с сего новые как раз вчера купил,

неизвестно с каких барышей.

Николай Константинович отказывался, конечно, говорил, что на ботинки полгода копил, но милиция посмотрела на него, поморщилась и отдала его под суд. В суде прокурор тоже сморщился и потребовал Николая Константиновича немедленно расстрелять. Защитнику Николай Константинович тоже не понравился, но работа есть работа – выхлопотал он ему кое-как десять лет строгого режима.

Ну, в тюрьме и хорошему-то человеку не сладко, а уж про мудаков что говорить.

Хлебнул там Николай Константинович от сих и до сих, но ничего – живой остался, хотя и не сказать, чтобы очень сильно здоровый.

И мало того, что живой вышел, да ещё и секрет с собой вынес, который перед смертью ему бывший дьяк рассказал, такой же бедолага, как Николай Константинович: про несметный клад, который будто бы закопали в лесу нехорошие мужички, да тут же друг друга и порешили подчистую.

За такие секреты, конечно, и гроша жалко, да есть видно оно, мудацкое счастье, а то совсем бы уже ни одного мудака не осталось на всём белом свете.

Вот и откопал Николай Константинович две закатанные трёхлитровые банки, по горлышко набитые заплесневевшими долларами, в роще недалеко от залива, как дьяк описал.

Высыпал Николай Константинович доллары в полиэтиленовый мешок, развёл костерок, выпил портвейну и поклялся

страшной клятвой отомстить тем, кто его несправедливо в тюрьму упрятал и жизнь его погубил.

Мстить Николай Константинович решил не просто так, а с подковыркой: чтобы наверняка они знали, от кого к ним гибель пришла и за какие прегрешения.

Просто так пырнуть их ножичком Николаю Константиновичу было неинтересно, совсем его мудачество в тюрьме махровым цветом расцвело.

Вот и стал он строить планы.

Начать решил с того пьяницы, вместо которого его в тюрьму посадили.

Разыскал он его в бараке на краю города: к тому времени этот пьяница совсем уже вдрызг пропился, квартиру сжёг и жена от него ушла. Купил Николай Константинович пять бутылок водки, пять бутылок самого ядовитого метилового спирта, какого только можно купить за деньги, и пришёл к тому пьянице в гости. А тот как раз валяется на полу со спущенными штанами, лужу напустил и скулит, потому что похмелиться ему не на что. Налил ему Николай Константинович стакан – ожил алкаш. Сели они выпивать. Николай Константинович слегка только водочки пригубит, а тот прямо стаканами в глотку заливает, всё не нажрётся досыта.

А когда Николай Константинович видит, что вот сейчас тот под стол свалится и захрапит, спрашивает он его тихо: «Узнал ли ты меня?» Тот ещё слегка соображал, присмотрелся он и вздрогнул: «Узнал», – отвечает. «Так вот, – гово-

рит ему Николай Константинович, – много я по твоей милости горя хлебнул, да Бог тебе судья, я на тебя зла не держу. Пей, сколько влезет. Вот тебе ещё пять бутылок водки в знак моего прощения». Надел шапку и вышел из дома. Обернувшись, перекрестился: «Ну, вот и первый», – говорит.

Только всё вышло совсем не так, как ожидал Николай Константинович.

После третьей бутылки метилового спирта треснуло что-то в голове у пьяницы, явился к нему белый ангел и наплевал ему в морду. От этого тот немедленно очнулся на уже горящем матрасе.

От обиды на белого ангела бросил он пить напрочь, устроился на работу, честным трудом заработал много денег и купил себе участок совсем недалеко от города, десять минут ходьбы от электрички.

«Ну, хорошо, – подумал Николай Константинович, когда про это узнал. – С этим мы ещё разберёмся». А пока занялся вторым – тем сослуживцем, который всех подговорил на него пальцем показать.

Разузнал Николай Константинович его телефон и пригласил в ресторан посидеть, дескать, обиды не держу и хочу это дело от-празд-новать. Тот пришёл, конечно – кто же от дармового ресторана откажется.

Посидели, покушали, вспомнили знакомых, выпили за каждого. Под конец достаёт Николай Константинович из бумажника двести долларов и расплачивается с официантом.

Да ещё пятьдесят на чай даёт.

«А ты разбогател, смотрю», – завидует ему сослуживец.

«Да уж, – отвечает ему Николай Константинович, – уже даже не знаю, куда деньги девать. Я секрет один знаю, хочешь, покажу?»

Подходят они к напёрсточнику, с которым Николай Константинович заранее сговорился. Достает Николай Константинович сто долларов, угадывает где шарик, выигрывает двести. Ставит двести – выигрывает четыреста. Потом восемьсот, потом тысячу шестьсот. Напёрсточник плачет, карманы выворачивает: «Ай-ай, шайтан! Детишки кушать что будут!» Рассмеялся Николай Константинович и все деньги обратно напёрсточнику отдал.

«Как ты это делаешь? – удивляется сослуживец. – Нельзя ведь у напёрсточника выиграть, я точно знаю!» – «А я слова волшебные знаю, – отвечает Николай Константинович. – Если по этим словам напёрстки слева направо отсчитывать, то всегда угадываешь. Хочешь, скажу одно слово, раз уж мы такие друзья? Но помни, что одного слова только на четыре игры хватает».

Сказал Николай Константинович сослуживцу на ухо какое-то дурацкое слово, распрощался, сел в такси и как будто уехал домой. А сам за углом остановил машину и подсматривает. Видит: сослуживец тут же назад к напёрсточнику со всех ног бежит.

В общем, сначала, как Николай Константинович с напёр-

сточником договорился, выиграл его сослуживец сумасшедшие деньги, а потом, конечно, стал проигрываться в прах. Все деньги до копейки проиграл, пиджак, часы, и побежал домой – за ордером от квартиры.

Николай Константинович уже руки потирает, но дома жена сослуживцу такой ордер показала, что ему пришлось на неделю бюллетень брать, потому что на улицу выйти неудобно.

Через неделю выпустила его жена за продуктами. Тот, конечно, сразу же побежал искать напёрсточника, но на том месте, где был напёрсточник, сидит тётка в жёлтой телогрейке и через мегафон билеты какой-то телевизионной лотереи продает. Делать нечего – купил он на все деньги билетов, заполнил их слева направо по волшебному слову и в ящик бросил.

А в воскресенье выиграл он по этим билетам трёхкомнатную квартиру в Москве, автомобиль Рено, поездку на двоих в Испанию, куклу барби и двенадцать миллионов рублей. Даже лотерея от такого выигрыша чуть не закрылась – никогда такого раньше не бывало. Но отдали ему всё честно. По телевизору показали и потихоньку предупредили, что если ещё раз его в этой лотерее заметят, то пусть не обижается.

Опять ничего у Николая Константиновича не вышло. «Ладно, – думает он, – что-то я в этот раз перемудрил. Да не беда – никуда они не денутся, вот только ещё одно дельце закончу, и займусь ими как следует».

Следующее дело у Николая Константиновича было совсем другое: на этот раз он решил отблагодарить защитника, который его от расстрела спас. Наученный опытом, не стал он сильно мудрить, а просто засунул по одной бумажке в щель под дверью адвоката десять тысяч долларов сотенными и записку: так, мол, и так, спасибо вам от такого-то.

А через два дня того адвоката нашли на кухне с головой в духовке. Что? Почему? Так и не выяснили.

Николай Константинович, как узнал про адвоката, пересчитал свои деньги (осталось у него ровно пятьсот долларов), пошёл в магазин, купил ящик водки, пришёл домой, запер двери, задёрнул шторы ипил неделю беспробудно. Когда водка кончилась, вышел из дома, купил ещё ящик ипил ещё неделю.

А через месяц пришёл хозяин квартиры с милицией и выбросил Николая Константиновича, который к тому времени мог только на полу лежать, на улицу. Николай Константинович кое-как заполз в подвал и стал бомжом.

Жизнь у бомжа не такая уж и тяжёлая: главное, утро пережить, а там бутылочек насобирает, напился – вот и счастье. К вечеру очухался – кругом все пиво пьют: там бутылочку бросят, там из пластмассового стакана не допьют.

Одно Николай Константинович знал точно: если он к кому-то подойдёт и попросит пустую бутылочку оставить, то её лучше об стену разобьют, но ему не отдадут. «Иди, – скажут, – иди. Нечего тут над душой стоять, мутила». Поэтому

надо подкараулить, когда бутылку в урну кинут, и сразу хватать, пока другие бомжи не забрали.

Иногда Николай Константинович даже, как нормальный человек, что-нибудь в магазине покупал – хлеба полбуханки или колбасы печёночной. Продавцы, конечно, морщатся, не нравится им, как Николай Константинович пахнет, но продадут – деньги есть деньги.

Как-то раз Николай Константинович покупал себе в магазине дарницкого хлеба на ужин, спиртом он уже в аптеке в метро запаса, а тут протискивается в магазин Людмила Филипповна. Она тоже когда-то была нормальной женщиной, на службу ходила, как и Николай Константинович, а потом что-то с ней такое приключилось, вот и запила Людмила Филипповна. По вечерам она, как наклюкается, так всем рассказывает, как дошла до жизни такой: пристанет к какому-нибудь мужчине, который пиво пьёт, и несёт околесицу про польскую панночку, у которой в няньках служила. Тот, чтобы отделаться, ей пива и оставит.

Но в этот день, видно, дела у Людмилы Филипповны шли плохо, потому что была она почти не пьяная и с новым синяком. Протиснулась она бочком мимо очереди, схватила бутылку водки и бросилась бежать. А в чёботах, да на два размера больше, куда она убежит? Да хоть бы и без чёбот, всё равно свалится через десять метров. Охранник в камуфляже даже не сильно быстро за ней и пропустил.

Свалилась Людмила Филипповна, бутылку к груди при-

жала, лежит, не шевелится. Охранник пнул её по зубам – отдавай, мол. А та только крепче бутылку прижимает. «Ах ты, сука», – говорит охранник и замахивается дубинкой.

Тут Николай Константинович, который всё это видел, поднатуживается и блюёт прямо на прилавок. Не то, чтобы он подумал так спасти Людмилу Филипповну от охранника, он давно уже ничего не думал. Просто поднатужился и наблевал. Продавщица как заголосит!

Охранник тут же, конечно, Людмилу Филипповну бросил и к Николаю Константиновичу побежал.

А тот что? – стоит себе, полбуханки дарницкого в руках держит.

Людмила Филипповна потихоньку очухалась, уползла куда-то к себе, вылакала бутылку и заснула счастливая. А Николая Константиновича охранник оттащил за шиворот к мусоросборнику и бросил там валяться на снегу.

Николай Константинович ещё немного соображал и даже попробовал ползти в свой подвал, но далеко уползти не смог, достал из-за пазухи спирт, он почему-то не разбился, когда Николая Константиновича пинал охранник, выпил и заснул.

Там его и нашли бомжи во время утреннего обхода помоек.

После того как милиция унесла Николая Константиновича закапывать на другой помойке, бригадир бомжей встал на ступеньку станции метро и произнёс речь: «Сдох Колька, – сказал бригадир. – Был он мудака – и сдох как мудака. Да и

хуй с ним!»

Легенда о Малиновом Человеке

Рассказывают, что жители одной приамурской деревни часто видят в холмах и сопках Малинового Человека.

Называется он так не потому, что питается малиной, хотя он действительно ей питается, иногда вступая в конфликты с Медведем, а потому, что до сих пор носит малиновый пиджак.

Языка его местные жители не понимают и вообще стараются держаться от него подальше: повадками он более всего напоминает того же медведя: ловит в реке рыбу, а на зиму выкапывает себе берлогу. Если его не дразнить, то на людей не нападает.

Удивительно то, что живёт он там уже довольно много лет, но пиджак его не тускнеет – раньше версаче всё же хорошие шил пиджаки, это потом его турки испортили.

В ясную погоду Малиновый Человек поднимается на самую высокую сопку и достаёт из пиджака огромную мобилу с золотыми кнопками. Громко сопя, он тычет в кнопки толстым своим пальцем и долго потом стоит, приложив мобилу к уху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.